

УДК 821.161.1

DOI: 10.34670/AR.2021.84.82.002

Феномен счастья в поэтическом мире Ф.И. Тютчева**Рудакова Светлана Викторовна**

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры языкознания и литературоведения,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;
e-mail: rudakovamasu@mail.ru

Овчарова Светлана Владимировна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания и литературоведения,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38;
e-mail: alexis-1@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект № 20-512-23007 «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.».

Аннотация

В основу статьи лег материал доклада, представленный на «Мурановских чтениях – 2021». В работе в центре внимания оказывается проблема счастья. Показано значение этого феномена человеческой жизни в истории культуры, но основное внимание сосредоточено на выявлении особенностей в трактовке феномена счастья в поэзии Ф.И. Тютчева. Выявлено влияние на тютчевское представление о счастье античной философии, показано, как и какие установки античных философов были усвоены русским поэтом. Проанализировано и влияние просветительской концепции счастья на формирование тютчевского видения счастья, при этом показано отличие представлений русского романтика от просветительских. Рассмотрены созвучия тютчевских трактовок счастья с христианскими и романтическими представлениями об этом явлении человеческой жизни, но при это показано своеобразие индивидуального взгляда поэта на феномен счастья.

Для цитирования в научных исследованиях

Рудакова С.В., Овчарова С.В. Феномен счастья в поэтическом мире Ф.И. Тютчева // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 6А. С. 12-22. DOI: 10.34670/AR.2021.84.82.002

Ключевые слова

Тютчев, феномен счастья, античность, хаос, христианство, пантеизм, романтизм, свобода.

Введение

Проблема счастья в современной гуманитаристике оказывается в числе активно обсуждаемых. Но интерес к этому вопросу возник еще в античности, когда были сформированы основные подходы к этому феномену человеческой жизни. В эпоху же Просвещения просветители создали «новую жизненную парадигму, включающую земное счастье обязательно и непреложно» [Абрамзон, 2015, 116], предопределившую активизацию интереса к вопросу счастья. В настоящее время проблема счастья привлекает внимание литературоведов¹, лингвистов², философов³, психологов⁴, ученых, которые пытаются рассмотреть феномен счастья как многоаспектное явление⁵. Изучение того, как воспринимал счастье тот или иной автор, дает возможность создать целостное представление счастья в русской и мировой культуре.

Вопрос счастья в поэтическом мире Ф.И. Тютчева вряд ли можно отнести к числу краеугольных. Так, если обратиться к национальному поэтическому корпусу русского языка, то можно выяснить, что лексемы «счастье/счастье» (обнаруживается 15 упоминаний), «счастливый» (13), «счастлив» (7), «блаженство» (8), «блаженный» (7), «радость» (13), «радостный» (3) не входят в число максимально потребляемых в поэзии Тютчева.

Однако образ счастья оказывается своеобразной призмой, высвечивающей специфичный взгляд Тютчева на человека, действительность, мироздание, сферу божественного.

В тех немногочисленных произведениях, в которых Ф.И. Тютчев напрямую заводит разговор о счастье, мы обнаруживаем, с одной стороны, индивидуальные особенности восприятия мира счастья этим поэтом, а с другой – влияние сформировавшегося в XVIII-XIX вв. в России дискурса о счастье.

Основная часть

Поэтическое мышление Ф.И. Тютчева очень сложное. Система философских взглядов русского автора формировалась под воздействием различных явлений, в результате напряженной интеллектуальной работы поэта, в процессе его целенаправленных поисков ответов на мучительные вопросы бытия, в результате своеобразного диалога с мыслителями как прошлого, так и современности, в ходе которого поэт приходит к рационально постигаемым выводам или переживает интуитивно-поэтические прозрения, на него нисходят своего рода

---

¹ См., например: Петров А.В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т.Е. Абрамзон и Магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII-XIX веков // *Libri magistri*. 2020. № 3. С. 37-48; Петров А.В., Молнар А. Одическая топика и тема «нового счастья» в оде М.В. Ломоносова «На новый 1762 год» // *Libri magistri*. 2020. № 4. С. 76-92; Цуркан В.В. Миф о счастье в русской литературе 1930-х гг. // *Libri magistri*. 2020. № 4. С. 119-127.

² См., например: Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004; Русакова И.Б. Концепты «счастье» – «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

³ См., например: Каштанова О.В. Счастье как философская категория античных философов // *Вестник Казанского технологического университета*. 2014. Т. 17. № 3. С. 308-313; Сидоренко И.В. Антропология счастья. М., 2006.

⁴ См., например: Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003. 271 с.

⁵ См., например: Рудакова С.В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // *Libri magistri*. 2020. № 3. С. 49-75; Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 368 с.

духовные откровения или же ему даруется романтическое ясновидение. Среди значимых явлений, оказавших влияние на формирование поэтической картины поэта мысли, – античная философия и культура, из которых он усвоил целый ряд философских установок, мифологем, образов, но при этом творчески их переосмысливая [Созина, 2004]. Среди античных мыслителей, с кем ведет самый напряженный диалог Тютчев, – прежде всего стоики, чья идея о сложности, почти невозможности выражения духовных переживаний во много созвучна мироощущению Тютчева, что проявляется, например, в его строках из стихотворения «Silentium»: «Мысль изреченная есть ложь». О вопросе диалога поэзии Тютчева и античности размышляли в своих исследованиях Н.Я. Берковский, Д.Д. Благой, Б.Я. Бухштаб, В.Н. Касаткина, В.В. Кожинов, Г.В. Косяков, Ю.М. Лотман, К.В. Пигарев⁶. И в жизни, и в поэзии Тютчев проявляет христианские взгляды, которые вступают в сложное взаимодействие с его пантеистическими представлениями, определяющими его позицию в отношении природы и Бога: Тютчев убежден, что сущность природы одухотворена, Бог как будто бы слит с природой.

На формирование поэтической картины Тютчева оказала влияние и философия Просвещения, связанная с культом разума. Однако для поэта разум не всегда является высшей мерой вещей, часто в своих философских раздумьях он склонен обращать внимание на зыбкость, ненадежность того, что постигается умом. Ярче всего подобная позиция автора отражена, например, в его знаменитых строках «умом Россию не понять». Как поэт Тютчев формируется и под мощным влиянием эстетики романтизма, философии идеализма (о чем в своих исследованиях размышляли Д.Д. Благой, Б.Я. Бухштаб, К.В. Пигарев, В.Н. Топоров), поэтому в его творчестве особое место занимают образы иррациональные, связанные с миром творений, таинственным, дивным, чудесным. В поэтическом мире Тютчева уму часто противопоставлена Вера, а таинственное связано с образами хаоса и бездны, одновременно манящими и пугающими человека (символика образов хаоса и космоса, их архетипическая составляющая во многом связаны с античной философией, но при этом введены в романтическую картину мира) [Рудакова, Шустикова, 2017].

Как отмечает В.Н. Аношкина, «в тютчевской поэзии вырисовывается линия: Просвещение – Свет – Слово – Бог; осуществляется восхождение к Творцу» [Аношкина, 2004, 15].

Подобная парадоксальная связь различных мировоззренческих позиций определяет формирование амбивалентной философской системы Тютчева. Счастье – одна из тех категорий в поэтическом мире Тютчева, в раскрытии которой ярче всего проявляется антиномичность художественной системы этого автора.

Состояние счастья в мире Тютчева рассматривается как состояние, прямо противоположное

---

⁶ См.: Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев. Вступительная статья // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1987. С. 5-44; Благой Д.Д. Ф.И. Тютчев // Тютчев Ф.И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1953. С. 5-70; Бухштаб Б.Я. Ф.И. Тютчев // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1957. С. 5-52; Касаткина В.Н. Поэзия Ф.И. Тютчева. М.: Просвещение, 1978; Кожинов В.В. После А.С. Пушкина. Ф.И. Тютчев и его школа // Книга о русской лирической поэзии XIX века: развитие стиля и жанра. М.: Современник, 1978. С. 95-154; Кожинов В.В. Ф.И. Тютчев в отечественной поэзии, мысли и истории // Русская словесность. 1997. № 2. С. 23-31; Косяков Г.В. Художественная рецепция античной культуры в лирике Ф.И. Тютчева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 3. С. 137-142; Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1993. Т. 3. С. 1-39; Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М.: АН СССР, 1962.

покою. Неслучайно появляется ряд текстов, например стихотворение «Байрон» (1828 или 1829 г.), где два этих состояния представлены в конфликтном взаимодействии: «Но был ли он, сим демоном присвоен, / Иль счастлив, или спокоен?» [Тютчев, 1966, т. 2, 75].

Счастье в поэтическом мире Тютчева противопоставлено жестокости и пристрастию судьбы. Счастье не соотносится Тютчевым с тихим блаженством и негой. Почти всегда это деятельное состояние, связанное со сложными переживаниями и представлениями человека. Счастье соотносится у поэта со способностью человека противостоять жестокой слепой судьбе, силы в этом поединке дает ему дружба.

Так, в произведении «Бывают роковые дни»⁷ (1873 г.) лирический герой характеризует ситуацию, порождающую то ощущение, которое может быть определено как счастье, следующим образом. Это состояние, к которому приходит человек, выбравшийся из глубокой депрессии, отчаяния, в которые он был погружен вследствие томительных мук телесного и духовного порядка:

Бывают роковые дни
Лютейшего телесного недуга
И страшных нравственных тревог [Там же, 272].

Вырваться человеку из этого мрака и кошмара помогает дар милосердного бога – сочувствие друга, его тепло и поддержка:

Счастлив, кому в такие дни
Пошлет всемилосердый бог
Неоценимый, лучший дар –
Сочувственную руку друга [Там же].

Само появление друга в жизни отчаявшегося человека заставляет последнего почувствовать и тепло жизни, и свет надежды, и вкус бытия:

И сдвинет с нас ужасный кошмар
И отвратит судеб удар, –
Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь,
И верит сердце в правду и любовь [Там же].

О дружбе как значимой составляющей человеческой жизни, дающей силы для преодоления невзгод и дарующей человеку счастье, Тютчев размышляет и в раннем стихотворении «Двум друзьям» (1816 г.):

Она⁸ обеих вас на то произвела,
Чтоб ваши чувства и дела
Взаимно счастье составляли [Тютчев, 1987, 47].

---

⁷ Из цикла стихотворений, написанных во время предсмертной болезни.

⁸ Природа.

Счастье – это подлинная жизнь, в которой дружба дает возможность человеку пускаться в свой мир разнообразные проявления бытия, отдаваясь чувствам, главное из которых – любовь.

Счастье Тютчевым видится в любви, но очень часто оно сопряжено, связано со страданием. По мысли поэта, счастье при всей его прихотливости неслучайно. Чтобы его обрести, человек должен пройти через испытания и страдания. В этом Тютчев близок Жуковскому и Боратынскому, утверждавшим, что путь, ведущий к счастью, очень часто идет через страдания.

И любовь, и страдания могут, по мысли Тютчева, стать ступенями, ведущими к счастью, но дверь в мир счастья может открыться прежде всего при вмешательстве и по воле бога, о чем говорится в стихотворении «Когда на то нет божьего согласия...» (1865 г.):

Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, –
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя... [Тютчев, 1966, т. 1, 196].

Создается парадоксальная ситуация, описанная в этом стихотворении: приближаясь к счастью, человек от него удаляется. Но для Тютчева в его поэтическом мире Бог не является коварным манипулятором, жестоким экспериментатором, равнодушно наблюдающим за людьми. Говоря о христианском Боге, поэт неслучайно чаще всего использует эпитеты «всемогущий» и «милосердный». Потому того, кто по-настоящему умеет любить, кто отдается этому чувству «всецело», живя и дыша одной любовью, Бог, проведя через испытания и страдания, «благословляет», давая возможность обрести земное счастье.

Размышляя о жизни, в которой есть место любви и страданию, Тютчев обращает внимание на неуспокоенность человека, мнящегося, не имеющего возможность остановиться в своем движении, его будто какие-то силы несут вперед к неведомому («Могучий вихрь людей метет, / И рад ли ты или не рад, / Не спросит он... Вперед, вперед!» [Там же, 55]), не позволяя порой остаться там, где человек познал счастье и блаженство, а иногда даже не давая возможности осознать сам факт того, что был счастлив, что счастье его – в той мучительной любви, что наполняла жизнь смыслом, как это указано в стихотворении «Из края в край, из града в град...» (1834-1836 гг.):

О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?
Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжался над своей тоской,
Свое блаженство пощади! [Там же, 54].

Порой любовь напрямую приравнивается блаженству, рассматривается как важнейшая составляющая подлинного бытия человека, при этом неотделимая от душевных мук и терзаний, как это представлено в стихотворении «Последняя любовь» (1851-1854 гг.):

О ты, последняя любовь!

Ты и блаженство, и безнадежность [Там же, 156].

В позднем же переводе «Из “Эгмонта” Гете» (1870 г.), размышляя о сложном парадоксальном явлении человеческой жизни – о любви, в которой соединяются «радость и горе», «думы и сердце», ликование и тоска, поэт приходит к итоговому заключению о том, что «жизни блаженство в одной лишь любви» [Тютчев, 1987, 252].

Счастье для Тютчева – это деятельное состояние, оно ассоциируется с переживаниями, размышлениями человека, способного вобрать в себя всю полноту бытия, оказаться свидетелем и участником процессов перерождения, например, дня в ночь, прошлого в настоящее, мига в вечность... Так, в стихотворении «Я помню время золотое...» (1836 г.) описан образ счастливого дня. Все в этом произведении оказывается соотносимо с переходом, преображением. С одной стороны, показана возлюбленная героя, юная, беспечная, веселая, а с другой – руины старого замка, мшистый холодный гранит; описывается день, но подчеркивается, что «вечерело»; мы чувствуем веселый ветерок, оказываемся в пространстве весны, наблюдая «диких яблонь цвет», но при этом обломки «груды вековой» втягивают нас в мир древности. Весна созвучна юности героини («ногой младенческой касаясь», «на плечи юные» [Тютчев, 1966, т. 1, 56]) и противопоставлена и одновременно связана с древностью того мира, что вызывает восторженные эмоции девушки, что воспламенила сердце лирического героя. Счастье нисходит на человека, когда все, что должно находиться в конфликте, оказывается в состоянии странно гармоничном, когда антиномичность бытия рождает в душе человека чувство радости и счастья, заставляя понять: вот оно – «время золотое», вот он – «счастливый день».

О счастье движенья – преображенья размышляет Тютчев и в стихотворении «Нет, моего к тебе пристрастья...» (1835 г.):

Что́ пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны? [Там же, 73].

В описанном поэтом мире сливаются воедино движение и покой («Весь день в бездействии глубоком / Весенний, теплый воздух пить»; «Бродить без дела и без цели»), фольклорный образ «мать-Земля» и романтически-мистический образ «духов бесплотных сладострастья», опьяняющий запах сирени (передающий простоту, приверженность к земной жизни, чувственные ощущения, свойственные герою стихотворения) и устремленность к светлой мечте (отражающая проявление идеальных умонастроений, романтические порывы, возвышенную духовную деятельность, к которой также оказывается приобщен герой произведения). Через созерцание природы герой ощущает свою слиянность с ее миром, что дает возможность почувствовать себя свободным человеком древнего мира, находящегося в гармонии с природой, улавливающего ее ритмы, пропускающего их через себя. Счастье в том, чтобы иметь возможность выпасть из своего времени, проявившись в другом духовном и физическом измерении. Как следствие, у человека проявляется новое ощущение безмятежности, растворенности в природе, какой-то окрыленности и приобщенности светлой мечте. По образности стихотворение Тютчева «Нет, моего к тебе пристрастья...» созвучно произведению Боратынского «Приметы», в котором человек также обретал гармонию с собою и миром,

пропитываясь мирочувствованием древнего человека, далекого от мертвящего прагматичного железного века.

Еще более масштабно счастье человека, становящегося свидетелем кардинального преобразования, описано в стихотворении «Цицерон» (1829-1830 гг.), в основе которого представлен подлинный исторический катаклизм, меняющий лицо мира:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил! [Там же, 36]

Для Тютчева быть свидетелем того, как из хаоса рождается новый мир, – это знак приобщенности миру избранных, отмеченных божьей печатью, это то, что наполняет душу особым смыслом, делая по-настоящему счастливым.

Счастье в поэтическом мире Тютчева приравнивается к состоянию свободы. И в этом видна близость Тютчева романтикам, большинство из которых считали свободу высшей ценностью бытия. В одном из стихотворений Тютчева «Из “Путевых картин” Гейне» (1829-1830 гг.) появляется образ «счастливейшего племени» [Тютчев, 1987, 103], рожденного вне жестких рамок государственного контроля – физического и духовного.

О счастье, сопоставимом с проявлением свободы или самой свободой, размышляет Тютчев и в стихотворении «К оде Пушкина на Вольность» (1820 г.). В этом произведении Тютчев касается другого аспекта свободы: она связана уже не со свободой рождения и даже не со свободой жизни, как это было описано в предшествующем произведении, где показано было «счастливейшее племя», рожденное вне надзора и живущее без жесткого контроля сверху. Счастье в стихотворении «К оде Пушкина на Вольность» мыслится как состояние, соотнесенное с активной формой отстаивания свободы. Это связано с позицией поэта, который рожден, чтобы подняться над властью, не испугавшись ни ее тирании, ни ее статуса:

Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден [Тютчев, 1966, т. 2, 26].

В подобном размышлении Тютчев оказывается ближе не столько Пушкину, сколько Державину, который в своем «Памятнике», характеризуя собственную позицию как поэта и определяя свое право на поэтическое бессмертие, выделяет в качестве главного своего достижения то, что мог «истину царям с улыбкой говорить». Для Пушкина эта позиция уже не стала определяющей. В «Вольности» он говорит не столько о свободе, сколько о равенстве всех, включая царей, перед законом. Осознание этого факта, казалось поэту, может кардинально изменить социальную и духовную жизнь общества.

Счастье рассматривается Тютчевым и как состояние, которое испытывает человек, наслаждающийся красотой природы, ощущающий единение с ней и чувствующий

животворную силу, идущую от бога. Счастье приравнивается к радости, но именно радости духовной, эмоциональной.

Счастье в мире Тютчева соотносится и с состоянием самореализации человека, что свидетельствует о мощном влиянии со стороны просветительской философии на характер мышления поэта. Например, в переводе «Из “Эрнани” В. Гюго» (1830 г.):

О, как, как счастлив был почивший в сем гробу
Герой! Какую бог послал ему судьбу!
Какой удел! И что ж? Его сия могила.
Так вот куда идет – увы! – все то, что было
Законодатель, вождь, правитель и герой,
Гигант, все времена превысивший главой! [Тютчев, 1987, 108]

Счастье соотносится с рационалистической сферой, оказывается связано со способностью достичь понимания, некую гармонию, но не через прямой конфликт, не через кровопролитие, а через победу над другим, над собой с помощью разума в интеллектуальном противостоянии. Например, подобное описано в стихотворении «Да, вы сдержали ваше слово» (1870 г.):

Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом... [Тютчев, 1966, т. 2, 226].

Размышляя о творчестве, поэзии, Тютчев приходит к парадоксальному выводу. Он не ищет счастье в Музе, он возвышает Музу, творчество над счастьем, заявляя в стихотворении «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского» (1861 г.):

У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
Но своенравна, как оно [Тютчев, 1966, т. 1, 184].

В творчестве Тютчева обнаруживается стихотворение, связанное с традициями энической поэзии⁹, посвященное Новому году. Это стихотворение «С Новым годом, с новым счастьем» (1870 г.). Новый год – праздник, введенный в новом формате в культурное пространство России

---

⁹ О специфике этого вида творчества подробнее см.: Абрамзон Т.Е., Петров А.В. Шуточные новогодние поздравления в русской поэзии первой половины XIX века // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 1. С. 69-80; Петров А.В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т.Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII-XIX веков // Libri magistri. 2020. № 3. С. 37-48; Петров А.В. «На новый 1842-й год» А.В. Кольцова: опыт контекстного прочтения «Последнего стихотворения» // Libri magistri. 2018. № 5. С. 48-59; Петров А.В., Молнар А. Одическая топика и тема «нового счастья» в оде М.В. Ломоносова «На новый 1762 год» // Libri magistri. 2020. № 4. С. 76-92; Петров А.В., Постникова Е.Г. Послания «На новый год» поэта-духовидца С.С. Боброва // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20. № 1. С. 72-80.

Петром I. В данном стихотворении Тютчев представляет счастье как вполне земное явление, соотнося его со своим адресатом, заставляя ощутить и желанный характер, и достижимость счастья в этом мире.

Счастье предстает в этом стихотворении одновременно как состояние уже познанное и неведомое, что соотносится с уже ставшей традиционной формулой «С Новым годом, с новым счастьем» [Тютчев, 1966, т. 2, 259], введенной в культурное пространство России именно Тютчевым. Составляющими этого неизвестного, но такого естественного и понятного состояния счастья для поэта оказываются удача, которая неизменно должна сопровождать того, кому поэт адресует свое пожелание, и любовь как самое важное, что определяет счастье для человека (с точки зрения поэта). Применительно к данному образу в стихотворении поэт использует эпитет «собачья», смысл которого объясняется несколькими моментами. Известно, что это произведение, написанное в 1870 г., Тютчев посвятил своей второй жене, в девичестве Эрнестине Пфеффель. Текст стихотворения был выгравирован на салфеточном кольце, сделанном в форме ошейника, и преподнесен Э. Тютчевой с помощью пса Ромпа. Кроме того, данный эпитет («собачьей») подчеркивает такое важное качество любви, как верность, что неизменно связывается в сознании человека именно с собакой. По верному замечанию А.В. Петрова, Картина, представленная в этом произведении Тютчева, главные участники которой – муж, жена, собака (возможно, и дети), прочитывается как «картина семейного счастья», «домашний праздник», «маленькие семейные радости», «трогательная любовь близких» [Петров, 2019, 17].

Заключение

Счастье – неоднозначное явление в поэтическом мире Ф. И. Тютчева. На представление о счастье Тютчева, безусловно, оказала влияние античная культура. Бесспорно, что на концепцию счастья Тютчева повлияли и установки Просвещения, главная из которых – утверждение права человека на земное счастье. Немаловажным было воздействие христианской культуры и романтизма.

Находясь в диалоге с традицией прошлого и современным литературным процессом, Ф.И. Тютчев выработал и предложил свой взгляд, пульсирующе меняющийся в зависимости от описываемого явления, эпохи, подходов, контекстов.

Библиография

1. Абрамзон Т.Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // *Libri magistri*. 2015. № 1. С. 116-133.
2. Абрамзон Т.Е., Рудакова С.В. Концепция счастья в лирике Е.А. Боратынского // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-schastya-v-lirike-e-a-boratynskogo/viewer>
3. Аношкина В.Н. Мирозрение и слово поэта: современные проблемы изучения поэтического наследия Тютчева // *Литературоведческий журнал*. 2004. № 18. С. 3-25.
4. Петров А.В. Новогодние стихи Ф.И. Тютчева // *Libri magistri*. 2019. № 3. С. 11-20.
5. Рудакова С.В., Шустикова Ю.Н. Мотив тьмы в лирике Ф.И. Тютчева // *Культура и цивилизация*. 2017. Т. 7. № 6А. С. 119-127.
6. Созина Е.К. Творчество Ф.И. Тютчева в российском литературоведении // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2004. № 33. С. 149-155.
7. Соколов В. Пантеизм // *Философская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 206.
8. Топоров В.Н. Заметки о поэзии Тютчева (еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингианством) // *Тютчевский сборник*. Таллинн: Ээсти раамат, 1990. С. 32-107.
9. Тютчев Ф.И. *Лирика: в 2 т.* М.: Наука, 1966. Т. 1. 448 с.

10. Тютчев Ф.И. Лирика: в 2 т. М.: Наука, 1966. Т. 2. 512 с.

11. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1987. 448 с.

The phenomenon of happiness in F.I. Tyutchev's poetic world

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Docent,
Professor at the Department of linguistics and literature studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
455000, 38 Lenina av., Magnitogorsk, Russian Federation;
e-mail: rudakovamasu@mail.ru

Svetlana V. Ovcharova

PhD in Philology,
Associate Professor at the Department of linguistics and literature studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
455000, 38 Lenina av., Magnitogorsk, Russian Federation;
e-mail: alexis-1@yandex.ru

Abstract

The article is based on the paper presented at the conference “Muranovo readings 2021”. The paper focuses on the problem of happiness. It aims to show the importance of this phenomenon of human life in the history of culture. Special attention is paid to revealing the peculiarities of understanding the phenomenon of happiness in F.I. Tyutchev's poetry. The authors of the article reveal the influence of ancient philosophy on F.I. Tyutchev's concept of happiness and make an attempt to show how and which views of ancient philosophers were taken up by the Russian poet. The article carries out an analysis of the influence of the concept of happiness developed during the Enlightenment on the formation of F.I. Tyutchev's view on happiness, thus demonstrating the difference between his ideas and ones during the Enlightenment. It also considers consonances between the interpretations of happiness and Christian and romantic notions of this phenomenon in human life and demonstrates the uniqueness of F.I. Tyutchev's views on the phenomenon of happiness. The authors come to the following conclusion: holding a dialogue with the tradition of the past and the modern literary process, F.I. Tyutchev developed and proposed his own view, pulsatingly changing depending on the described phenomenon, epoch, approaches, contexts.

For citation

Rudakova S.V., Ovcharova S.V. (2021) Fenomen schast'ya v poeticheskom mire F.I. Tyutcheva [The phenomenon of happiness in F.I. Tyutchev's poetic world]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (6A), pp. 12-22. DOI: 10.34670/AR.2021.84.82.002

Keywords

Tyutchev, phenomenon of happiness, antiquity, chaos, Christianity, pantheism, Romanticism, freedom.

References

1. Abramzon T.E. (2015) K voprosu o russkom schast'e (poeziya XVIII veka) [On Russian happiness (the poetry of the 18th century)]. *Libri magistri*, 1, pp. 116-133.
2. Abramzon T.E., Rudakova S.V. (2018) Kontseptsiya schast'ya v lirike E.A. Boratynskogo [The concept of happiness in E.A. Boratynsky's lyrics]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod State University], 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-schastya-v-lirike-e-a-boratynskogo/viewer> [Accessed 27/11/21].
3. Anoshkina V.N. (2004) Mirovozzrenie i slovo poeta: sovremennyye problemy izucheniya poeticheskogo naslediya Tyutcheva [The poet's worldview and word: modern problems of studying Tyutchev's poetic heritage]. *Literaturovedcheskii zhurnal* [Journal of literary history and theory], 18, pp. 3-25.
4. Petrov A.V. (2019) Novogodnie stikhi F.I. Tyutcheva [The New Year's poems by F.I. Tyutchev]. *Libri magistri*, 3, pp. 11-20.
5. Rudakova S.V., Shustikova Yu.N. (2017) Motiv t'my v lirike F.I. Tyutcheva [The motif of darkness in F.I. Tyutchev's lyrics]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (6A), pp. 119-127.
6. Sokolov V. (1967) Panteizm [Pantheism]. In: *Filosofskaya entsiklopediya* [The encyclopaedia of philosophy], Vol. 4. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., p. 206.
7. Sozina E.K. (2004) Tvorchestvo F.I. Tyutcheva v rossiiskom literaturovedenii [F.I. Tyutchev's works in Russian literary studies]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural State University. Series 2: Humanities], 33, pp. 149-155.
8. Toporov V.N. (1990) Zametki o poezii Tyutcheva (eshche raz o svyazyakh s nemetskim romantizmom i shellingianstvom) [Notes on Tyutchev's poetry (once again about the connections with German Romanticism and Schellingianism)]. In: *Tyutchevskii sbornik* [Tyutchev's works]. Tallinn: Eesti Raamat, pp. 32-107.
9. Tyutchev F.I. (1966) *Lirika: v 2 t.* [Lyrics: in 2 vols.], Vol. 1. Moscow: Nauka Publ.
10. Tyutchev F.I. (1966) *Lirika: v 2 t.* [Lyrics: in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: Nauka Publ.
11. Tyutchev F.I. (1987) *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ.